

«ЖЕНСКАЯ» ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В ПРОБЛЕМНОМ ПОЛЕ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Летом 2007 года в процессе работы над исследовательским проектом по гранту РГНФ было собрано достаточное количество устных воспоминаний как непосредственных участников военных действий, так и жителей временно оккупированной территории Кубани. Большая часть этих интервью вошла в сборник «Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России. Материалы и исследования». Собранные воспоминания также стали одним из источников написания данной статьи. Большинство наших информанток — женщины пенсионного возраста. Всю свою жизнь они прожили в сельской местности, имеют большие семьи и ведут домашнее хозяйство. Многим из них с детства пришлось работать и помогать родителям, поэтому высшим образованием похвастаться они не могут. Несколько классов начальной или средней школы — вот все, что у них за плечами. Война их застала молодыми девушками или подростками. Только одна информантка была к тому времени замужем и имела маленького ребенка. Все рассказчицы пережили оккупацию своего родного поселка или станицы. Их воспоминания — это наполненные эмоциями повествования о тяжелых трудовых буднях военного времени. С уходом мужчин на фронт на плечи женщин и подростков легли обязанности по работе в колхозе, принудительной работе на оккупантов и ведению домашнего хозяйства.

Другим не менее важным источником стали неопубликованные письменные воспоминания участниц партизанского движения на Кубани, находящиеся в основном в Центре документации новейшей истории Краснодарского края (далее — ЦДНИКК). Значительная часть регионального комплекса воспоминаний о Великой Отечественной войне была накоплена в 1960—1970-х годах. Среди мемуаристов — люди разных возрастов, некоторым — далеко за 70. Женщины писали воспоминания главным образом в предпенсионном возрасте. Мемуаристки, как правило, были моложе авторов-мужчин. Женщины, оставившие воспоминания о событиях Великой Отечественной войны, — это бывшие комсомолки, жительницы оккупированной территории, подпольщицы, партизанки¹.

Устные и письменные воспоминания о Великой Отечественной войне имеют свою гендерную специфику. Анализируя тексты мемуаров или интервью, можно выявить закономерности восприятия женщинами самих себя на войне, воссоздать женское восприятие войны как целостную картину.

О женщинах, участвовавших в Великой Отечественной войне, написано немало и учеными, и писателями [17, 14, 12, 19, 16, 4]. Собирательным литературным портретом женщин — авторов воспоминаний изученного регионального комплекса стал образ Искры Поляковой из повести Б. Васильева «Завтра была война». Данный образ был тиражирован ее последующей экранизацией и закреплен в массовом историческом сознании. Материалы источников личного происхождения, в частности дневников, писем, письменных и устных воспоминаний, помогают наполнить устойчивый образ, визуализированный современным искусством и уже мифологизированный исторической памятью, живым историко-культурным содержанием.

© Реброва И. В., 2008

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ 08-01-12143в

¹ Подробнее об анализе регионального комплекса неопубликованных воспоминаний и его гендерной специфике см.: [13].

Согласимся с Е. С. Сенявской [19, с. 216], подчеркивающей, что феномен участия женщины в войне сложен уже в силу особенностей женской психологии, а значит, и восприятия ею фронтовой действительности. «Женская память охватывает тот материк человеческих чувств на войне, который обычно ускользает от мужского внимания, — отмечает автор книги «У войны — не женское лицо» С. Алексеевич. — Если мужчину война захватывала, как действие, то женщина чувствовала и переносила ее иначе в силу своей женской психологии: бомбежка, смерть, страдание — для нее еще не вся война. Женщина сильнее ощущала, опять-таки в силу своих психологических и физиологических особенностей, перегрузки войны — физические и моральные, она труднее переносила “мужской” быт войны» [1, с. 61—62]. Светлана Алексеевич убедительно показала: то, что пришлось увидеть, пережить и делать на войне женщине, было чудовищным противоречием ее женскому естеству. Образная проза писательницы заставила массовое сознание понять противоестественность войны в жизни женщины. Но и для мужчин война — не самая благоприятная социокультурная среда. Защитные способности мужской психологии и многовековая социокультурная практика превратили для них войну в работу. Женская психика искала иные пути адаптации к нечеловеческим условиям войны. Бывший командир партизанского отряда «Шторм» В. В. Петренко вспоминал: «Ежедневный рейс по 18—20 км... Такая работа кажется по плечу только физически сильным мужчинам, но с ней с честью справлялись женщины. Это были стойкие, мужественные женщины, переносившие все тяготы суровой жизни в партизанском отряде с начала его организации и до последнего дня его существования, участвовавшие во многих боевых операциях» [18]. И все же мемуаристы подчеркивали, что женщина не могла приспособиться к этой работе, несмотря на свою выносливость, во много раз превосходящую мужскую, несмотря на свою способность к адаптации, большую по утверждению психологов, чем у мужчин. Она не могла привыкнуть к войне.

Образ женщины на войне стереотипизирован современным сознанием. Общеизвестно, что женщина в Великой Отечественной войне наравне с мужчиной проявляла мужество, отвагу, силу духа в борьбе с врагом [4]. Женщина, равная мужчине, — стереотип советского времени, глубоко укорененный на уровне рационализованного мышления, но полностью опровергаемый текстами устных интервью. Материалы изученных письменных и устных воспоминаний показывают, что реального равенства в жизни мужчин и женщин не было ни на войне, ни в тылу и на временно оккупированной территории. Его не принимали ни мужчины, ни женщины. По-видимому, расхождения рационально сконструированных образов и реальных бытовых практик были связаны с традицией ролевого разделения повседневной жизни провинциального общества. Перед войной в провинциальной жизни продолжали господствовать нормы традиционного натурального хозяйства, от которых зависело даже городское население.

Женщинами нарушение устойчивых социальных ролей воспринималось как крушение самой жизни. Ощущение катастрофы пронизывает весь строй женских воспоминаний, преобладает в их тональности. Но как бы не воспринимались такие изменения, они имели место в реальности и были более глубокими, чем казались индивидуальному сознанию. Большинство наших информанток — люди, жившие в сельской местности. Их можно отнести к типу рассказчиц, которые всю свою жизнь оставались в границах традиционных патриархальных представлений о женских ролях (для них окончание войны означало возвращение к «прежней» жизни). Они могли выполнять мужскую работу, замещать мужчин в поле, на производстве. Р. А. Баркова, пережившая оккупацию в станице Даховской, вспоминает о том, какую работу ей, молодой девушке, приходилось выполнять: «Вот гоняли нас на работу, копали. Там окопы копали, а тут траншеи [окопы копали по приказу Советского руководства в начале войны, а траншеи — с приходом оккупантов]. И траншеи прямо это... Ну как вам сказать? От квартиры <нрзб.> пройдешь третий дом. Прямо во дворы копали [показывает расстояние

траншеи, примерно метров 70]. Там копали, а потом гоняли [немцы] за станицу в лес. Ну лес был такой высокий, рубали. Вырубали, чтоб видать им было, когда партизаны идут» [6]. Рассказчицы подробно описывают свою ежедневную тяжелую, традиционно «мужскую» работу, которую им пришлось выполнять в отсутствие мужчин. Однако в таком замещении не прослеживается равенства полов, а наоборот, подчеркиваются патриархальные отношения. Дело в том, что война — это прежде всего сражения на передовой. И это — удел мужчин. Освободившиеся рабочие места в тылу и на временно оккупированной территории вынужденно занимают женщины, работая на передовую, но оставаясь в тени славы.

Более активное изменение ролей наблюдается в послевоенной жизни. Существовали представления о том, что женщина заменила мужчину в быту, в поле и на производстве во время войны, но в послевоенной жизни она не смогла выполнять квалифицированную мужскую работу. Война ускорила массовое вовлечение женщин в низкоквалифицированный труд, женщинам приходилось осваивать чисто «мужские» профессии. Вспоминает М. Ф. Колосова: «Ой, работали, и на табаке работала, и сажали, и убирали. Я удивляюсь, как сейчас работают, и как мы работали. Встанешь еще темно, печку натопишь, чуреков напечешь, тогда же хлеба не было. Чуреков из кукурузной муки напечешь, каши наваришь, бутылку молока нальешь, яйца сваришь, все в корзину положишь и пойдешь в поле, а сестра дома останется... Утром встал в пять часов, печку затопил, побежал корову подоил, корову отогнал, все понаварил и пошел на работу. А вечером на плече дровину несешь домой, ее ж никто не привезет, а мы в центре жили, а надо ее еще порубать в печку положить» [9]. В восстановительный период, когда остро ощущалась нехватка мужских рук, женщины самоотверженно брались за любую работу. С постепенным возвращением мужчин они опять стали выполнять традиционно закрепленную за ними в общественном патриархальном сознании домашнюю работу. Создание своих семей и рождение детей сводило на нет возможную эмансипацию женщин в плане освоения традиционно «мужских» профессий. На уровне сознания у сельских жительниц, переживших оккупацию, никаких изменений не происходило, что наглядно показывают материалы воспоминаний. Большинство информанток (равно как и авторы воспоминаний из числа бывших партизанок и подпольщиц) в повествование о своем военном опыте зачастую вплетают рассказ о близких мужчинах, сражавшихся на передовой или руководивших партизанскими отрядами. Это они завоевывали Победу, их дела достойны быть сохраненными в общественной памяти. Женщины же сами себе отводят второстепенные позиции в рассказе о военных событиях. Материалы письменных воспоминаний не убеждают исследователей в психологическом росте женщин в послевоенное время. Участие в войне для них — это долг, который они выполняли перед Родиной. С наступлением мирной жизни женщина стала исполнять традиционно приписываемые ей второстепенные роли. Поэтому часто женские воспоминания представляют скорее рассказ о фронтовых друзьях-мужчинах, их ратных подвигах, чем описание своей роли в борьбе с врагом. С. Я. Тюрикова, до войны заведовавшая отделом детской литературы в районной библиотеке, а в 1942 году ставшая бойцом курганинского отряда «Кубанец», писала: «Очень тяжело было терять своих друзей, однополчан, но еще больше разгоралась ярость и жажда мести фашистам за гибель боевых друзей, еще чаще мы стали ходить на боевые операции» [22]. Реальным побудительным мотивом участия в боевых действиях многие женщины называли отнюдь «неженское» чувство — месть за погибших. Мемуаристки и в послевоенное время считали, что месть за родных и близких, за свою Родину была главным мотивом участия женщин в Великой Отечественной войне.

Происходит своего рода субъектно-объектное замещение, когда говорящий Субъект — женщина отводит себе роль пассивного Объекта в повествовании. Таким образом, провозглашенное равенство полов в Советском государстве даже спустя годы обнаруживает свою утопичность. Объектные позиции женщины прослеживаются и во

время Великой Отечественной войны, в период распределения и выполнения трудовых обязанностей советского человека, и в послевоенное время, когда женщины писали воспоминания, а также в настоящее время — момент проведения интервью.

Для женских воспоминаний характерно смещение акцентов с личного восприятия в публичную сферу. Много внимания они уделяют описанию событий, которые, по их мнению, имеют более важное значение, нежели их собственный военный опыт. Так, бывшая узница Л. И. Аवास описывает город Краснодар периода оккупации: «Все заводы были взорваны, все крупные дома, все... вот театр например, драматический, это ж старейший театр у нас в городе, красивый театр был, это где сейчас филармония находится, это был драмтеатр. Он был тоже и взорван, и сожжен. Потом, завод Седина горел, долго горел. Нефтеперегонный завод горел, вся Кубань горела, казалось. Потому что горящая нефть плывет. Неба не видно было. Это же летом было, в августе. Солнце такое, жара. Солнца и неба не видно было. Стоял такой дым, черно было все. Ну что, все горело, все горело. МЖК тоже очень долго горел. Да вообще большие заводы, измерительных приборов, потом, компрессорный, “Октябрь” завод, Темзаприбор. Все заводы были взорваны и все горело. Крупные дома горели» [5]. В настоящее время ветераны — частые почетные гости школьных классных часов. Ежегодно 12 февраля в городских школах проводится урок памяти, посвященный очередной годовщине освобождения Краснодара от оккупантов. Поэтому информантка пересказывает то, что ей неоднократно приходилось говорить на людях. Ее рассказ содержит не только лично пережитые впечатления, но и информацию, почерпнутую из других источников. Знание о войне, которое было сформировано общественной пропагандой и средствами массовой информации, в рассказе подкрепляется личным опытом.

Женские воспоминания показывают механизмы адаптации женской психики в экстремальных условиях — переключение внимания на, казалось бы, неважные детали (вокруг гибель, а она переживает, что у нее форма не того размера), слезы, которые помогают вынести переживания наружу и купировать их, забота о других. В связи с этим их воспоминания более эмоциональны и менее событийны по сравнению с мужскими: в них в изобилии присутствуют эпитеты, сравнения, лирические отступления, метафоры. Большая фактографичность мужских воспоминаний навредила им как источнику, поскольку они неоднократно редактировались архивными работниками. Женские воспоминания оказались более аутентичными, чем мужские, хотя и в них прослеживается влияние социального заказа на героизацию прошлого. Подчеркнутая эмоциональность женщин выделяется не только учеными, но и самими мемуаристками, потому что это соответствует наиболее распространенным представлениям о женщине.

В женских воспоминаниях присутствует описание бытовых подробностей (недостаток продовольствия вообще и память о нехватке привычных продуктов, например, компонентов для горячих блюд): «Вместо хлеба пекла на всех партизан лепешки, причем не было сковороды — готовила на какой-нибудь железке; и все же все были сыты» [5]. М. Н. Колобова спустя много лет с горечью писала об отсутствии возможности сварить «первое», хотя тут же рядом рассказывала, как готовила похлебки из собранных в лесу корений. Такая алогичность делает женские воспоминания ценным источником по истории довоенной повседневности. Они косвенным образом свидетельствуют, что в представлении жительницы сельской местности основу пищевого рациона работоспособного мужчины должно составлять считалось «первое» (борщи, густые супы) — те самые типичные блюда, об отсутствии которых в военном быту мемуаристки жалели.

Женщины в партизанских отрядах особенно остро переживали трудности, связанные с бытовым хаосом. «После зачисления в партизанский отряд я, с разрешения командира, стала готовить питание для всех партизан. Сперва было очень трудно: не было то ложек, то посуды, то соли, то еще чего-нибудь» [3]. Ежедневная борьба с такими «мелочами», как отсутствие провизии, посуды и других необходимых в хозяйстве вещей, надолго осела в памяти женщин,

столкнувшихся с подобными трудностями. И снова можно заметить, что организация жизни в партизанском отряде зачастую напоминала домострой, в котором воином, защитником Родины был мужчина, а женщина продолжала оставаться домохозяйкой. Условия жизни менялись, гендерные роли оставались традиционными.

Мемуаристки подчеркивают, что преодоление трудностей закаляло женский характер, делало женщину, как и других партизан, более выносливой и сильной. «У нас были такие тяжелые условия, что у всех партизан, в том числе и у меня, была зависть к убитым, но уйти из лесу, бросить уничтожить фашистов никто не думал. Также никто не сомневался в том, что мы победим» [2]. Можно представить, насколько велики были трудности и эмоциональная нагрузка, испытываемая женщинами, если спустя много десятилетий в воспоминаниях появляется страшная фраза «...была зависть к убитым».

Жительницы временно оккупированной территории Кубани подробно описывают проблемы, с которыми им пришлось столкнуться во время войны. Для многих отсутствие красивой одежды стало главным испытанием и предметом переживаний: «Еще когда здесь воинская часть зимой была, а мы уже и на женихов поглядывали, там и танцы какие-то. А не в чем идти. У меня отец шил башмаки какие-то, кожу выдeldывал сам и резал же, и хозяйство держал. Вот это, в каких-то башмаках, в каких-то страшных... в общем, в не в чем идти, было страшно. Это мое страшное воспоминание, что не в чем [идти]. И одеться не во что, и одеть нечего, ну там какие-то сандалии были, помню, когда война кончилась это 9 мая, да? Уже же лето, да? [Имеется в виду теплая погода.] А мне ну не в чем, идут все, наряжаются. А у нас тут эвакуированных вещей сколько, да мы вот такой капельки у них не брали. У него [знакового, хозяина вещей] 2 дочки, и все же барахло у нас было. Они уже, когда пришли с Гузерипля, все отдали нам, да так они меня одарили вещами, дочки [знакомых] такие же как и я были. Так они столько поотдавали нам одежды, столько они надавали одежды ихней, девчачьей вот уже ношеной и хорошей» [7]. Как видим, личные переживания лишь косвенно связаны с ощущением войны. Даже в самые суровые годы испытаний женщина оставалась женщиной с традиционно приписываемым ей поведением. Красивая одежда, безупречный внешний вид являлись для девушки главной роскошью, которой она обладала и которой ее лишила война.

«У мамы пооставались платья, да еще матерьяльчик она покупала, а так юбки поналатаем, какие пооставались, и их с собой на работу берешь, а в чистеньком идешь на работу, косыночку какую выкроешь и идешь в чистеньком. А там уже переодеваешься. Штаны какие были или нет не помню, а босяка ходили. Сестра идет в школу босяка. Вши были, чешешь их чешешь, моешь, моешь, а они все равно откуда-то берутся. Мылись щелоком. Стирала сама в деревянном корыте, а тетя пришла и говорит, что я не так стираю. Маруся, не так, а вот так надо. А когда еще бабушка и дедушка были живы, так я тогда подметала, а пыль до потолка летит, а дедушка взял и показал, как надо мести» [9]. Особая ценность женских воспоминаний, связанная с большой детализированностью второстепенных событий войны, важна для воссоздания истории и антропологии повседневности. Довоенный сельский быт в мемуарных источниках практически не отражен. Но о нем дают сведения воспоминания участниц партизанских отрядов и рассказы жительниц станиц и хуторов.

Следует отметить еще одну проблему, прежде практически не рассматривавшуюся в отечественной историографии, — опасность подвергнуться сексуальному насилию. Статья Н. Тэк «У партизан: судьба женщины» [21] одна из первых публикаций, в которых сделана попытка прояснить «покрытую мраком» тайну женского опыта жизни в лесу среди мужчин. В настоящее время использование командирами своего служебного положения для сексуального домогательства к подчиненным военнослужащим-женщинам в годы войны подтверждается отдельными, весьма фрагментарными свидетельствами. Так, связистка В. С. Ерохина указывает на доведение такими преследованиями отдельных женщин до самоубийства [15, с. 6]. Фронтовик Ю. П. Крымский отмечает факты, когда за

изнасилования военнослужащих-женщин офицеров отдавали под суд, отправляли в штрафные роты, а иногда даже расстреливали. Этой проблеме было посвящено специальное совещание командно-политического состава РККА в 1943 году [11]. Согласно приказу Наркомата Военно-морского флота № 0365 от 6 мая 1942 года из 21 292 женщин, призванных на флот в 1942 году, 1878 чел., или 8,8 %, были уволены за «распущенность в поведении» и «по беременности» [10, с. 124]. В мемуарах об этом прежде было не принято писать, что объясняется расхождением с официальной политикой памяти о войне. В настоящее время большинство рассказчиц отказываются говорить на тему сексуальности на войне.

Отвечая на вопрос: «Какое отношение было у солдат к женщинам в части», информант сказал: «У нас медсестра одна была и все. Отношение было к ней как к солдату. Вообще запрещалось это все» [8]. Этим ответом он сразу пресек попытки исследователя узнать подробности межличностных отношений. Следуя логике анализа вербального текста, смеем предположить, что сексуальные отношения между мужчинами и медсестрой были на лицо в данной части (зачем же тогда запрещать то, чего не было в действительности?). Во-первых, информант не хочет говорить об этом, чтобы не скомпрометировать себя в глазах настоящей жены, присутствовавшей во время интервью, а во-вторых, открыто говорить ему мешает созданная государственной идеологией официальная память о войне, в которой нет места подобным сюжетам. Наоборот, в советское время постоянно тиражировался миф о дружбе между представителями различных национальностей, равно как и между мужчинами и женщинами, ковавшими Победу.

Своеобразным способом адаптации к фронтовым условиям, продиктованным как стремлением избежать насилия, так и найти «легкие» возможности для удовлетворения тех или иных потребностей, можно считать появление «походно-полевых жен» (ППЖ). В обмен на сексуальные услуги, оказываемые вышестоящим офицерам, нередко имевшим семьи в прежней, гражданской жизни, такие женщины получали покровительство и защиту, более калорийную пищу, для них снижался риск погибнуть в бою. Впрочем, положение ППЖ было нестабильным, их могли «отставить» по тем или иным обстоятельствам, и тогда они чаще всего лишались всех благ.

Сексуальные отношения на войне могут рассматриваться в связи с проблемой существования проституции. Естественно, что многие женщины оказывали интимные услуги в силу определенных обстоятельств. Экстремальная ситуация, жизнь последним днем, трагические события личной и семейной жизни могли способствовать падению морали. Однако не были исключением и такие женщины, которые специально заводили любовные отношения для сохранения своей жизни. Удовлетворение маскулинного субъекта состоит в подтверждении своей власти, а феминного — в получении социальных или материальных благ и т. п. «Ну так мало кто об этом говорит, конечно было, что найдешь себе офицера и с ним, потом в часть другую перекинут и там уже с полковником каким-нибудь. Некоторые поженились» [8]. Проституция, порожденная патриархатом, в экстремальных условиях ведения войны продолжала легитимировать неравенство субъектов в поле сексуального Желания и Наслаждения [20]. Указание информанта на невысокий процент женитьбы в послевоенное время говорит о властном характере интимных отношений в военное время. В мирное время женщине не нужно было искать покровителя среди командного и офицерского состава, поэтому такие отношения прекращались.

Итак, долгое время в отечественной историографии господствовал «героический» взгляд на участие женщин в Великой Отечественной войне, влияние которого продолжает сказываться и в настоящее время. Параллельно ему в последние годы сформировалось «трагическое» направление, акцентирующее внимание на трудностях, которые пришлось пережить женщинам во время войны. Сложившиеся шаблоны в изображении событий

военного времени не отражают всей специфики рассматриваемой проблемы, а в воспоминаниях женщин — участниц войны тесно переплетаются элементы официального и личного.

Библиографический список

1. *Алексеевич С. У войны не женское лицо: Повести. М., 1988.*
2. *Белянская Н. А. Воспоминания о подпольной работе в г. Краснодаре в 1942 г. Рукопись. Машинопись. 1977. 16 л. ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1348. Л. 16.*
3. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 94. Л. 154.
4. *Иванова Ю. Н. Храбрейшие из прекрасных: Женщины России в войнах. М., 2002.*
5. Интервью с Аवास Л. И. Архив устной истории СНО Кубан. гос. технол. ун-та. Ф. СКК-07. Д. КК01.
6. Интервью с Барковой Р. А. Архив устной истории СНО Кубан. гос. технол. ун-та. Ф. СКК-07. Д. КК08.
7. Интервью с Беловицкой Н. Г. Архив устной истории СНО Кубан. гос. технол. ун-та. Ф. СКК-07. Д. КК09.
8. Интервью с Гарковыми С. И. и Е. М. Архив устной истории СНО Кубан. гос. технол. ун-та. Ф. СКК-07. Д. КК04.
9. Интервью с Колосовой М. Ф. Архив устной истории СНО Кубан. гос. технол. ун-та. Ф. СКК-07. Д. КК10.
10. *Кащенко Е. А. Сексуальная культура военнослужащих: Дис. ... канд. филос. наук. М., 1994.*
11. *Ключников А. Любовь на фронте // Аргументы и факты. 2000. № 19.*
12. *Кондакова Н. И. Трудовой подвиг советских женщин в годы Великой Отечественной войны // Великая победа советского народа, 1941—1945. М., 1976.*
13. *Миц С. С., Реброва И. В. «Женское» в региональных воспоминаниях о Великой Отечественной войне // Клио: Журн. для ученых. 2006. № 3 (34).*
14. *Мурманцева В. С. Советские женщины в Великой Отечественной войне. М., 1974.*
15. Не женское это дело — война // Комсомольская правда. 2000. 14 апр.
16. *Непочатая Н. И. Женщина в армии: социально-статистический обзор // Герценовские чтения: Актуальные проблемы политологии и социологии. СПб., 2000.*
17. *Николаева К. И., Карасева Л. М. Великая Отечественная война и советская женщина. М., 1941.*
18. *Петренко В. В. Воспоминания бывшего командира партизанского отряда «Шторм» о боевых действиях партизанского отряда в период оккупации Кубани немецко-фашистскими захватчиками. Машинопись. 1980. 177 л. ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1128. Л. 158.*
19. *Сенявская Е. С. Женщина на войне глазами мужчин: (Психологический экскурс в историю России) // Российская ментальность: Методы и проблемы изучения. М., 1999. Вып. 3. Мировосприятие и самосознание российского общества.*
20. *Суковатая В. Сакральная проституция и Власть: феминистский анализ дискурсов // Иной взгляд. № 2. <http://envila.iatb.by/g-center/another2/index/html>*
21. *Тэк Н. У партизан: судьба женщины // Женщины на краю Европы / Под ред. Е. И. Гаповой. Минск, 2003.*
22. *Тюрикова С. Я. Воспоминания о боевых действиях партизанского отряда «Кубанец» Курганинского района в период оккупации Кубани немецко-фашистскими захватчиками. Машинопись. 1971. 7 л. ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 936. Л. 1.*